

Новый Орфей

Urbi

Литературный альманах,

издаваемый

Владимиром Садовским

под редакцией

Кирилла Кобрин и Алексея Пурина

выпуск шестьдесят второй

серия

Новый Орфей

(27)

Прага*Санкт-Петербург

Вадим Ямпольский

В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

книга стихов

Санкт-Петербург

2008

* * *

Войдёшь в провал двора — там улица пустая,
там грязный снег лежит, там тусклый свет, такой,
что лёгкая печаль, неспешно нарастая,
к субботе может стать смертельной тоской.

Откуда силы взять? Что противопоставить
унынию? Скажи, скажи, что — это грех,
что нужно всё отдать, своей рукой отставить,
что все полюбят всех, что все простили всех,

что где-то место есть тому, что иллюзорно
и зыбко на земле, что станут плотью слов,
упавших в никуда, невидимые зёрна,
что кто-нибудь вкусит обещанных плодов.

Я 54 Ямпольский В.
В первом приближении. — СПб.: ООО «Издательско-
полиграфическая компания «КОСТА», 2008. — 48 с.

*На обложке — Гайд-парк, Лондон,
фото В. Ямпольского*

*На вклейке — автор книги,
фото О. Николаевой*

ISBN 978-5-91258-056-7

* * *

Алкоголики возле парадной,
попрошайки в метро... Так скрепя
сердце ходишь. Пустой, неприглядной,
жизнь, мы всё-таки любим тебя.

Неужели и вправду такая
беспощадная? Стоны и плач...
Продвигаемся, в спину толкая
прочих, — звенья в цепи неудач.

Безотраднa, бесцветна, уныла...
и, уставшие перечень длить,
так хотим, чтобы ты нас любила,
если все отказались любить.

Неужели другого, иного
больше опыта нам не дано!
Разуверь, дай мне руку, дай слово,
пусть хоть что-нибудь значит оно!

* * *

Девушка, наряженная зайцем,
раздаёт рекламу дребедени:
как она решилась? Я бы пальцем
не пошевелил за эти деньги.

Стыд какой, а вдруг пройдёт знакомый,
ты стоишь и преешь, бедолага.
Но теперь я понимаю, кто мы,
что такое трусость и отвага.

Мне теперь понятна расстановка
сил, видны различия и сходство —
ты вот заяц, я вот полукровка,
мировое ширится уродство.

Я возьму из рук твоих бумажки,
жалость испытав к себе, к себе же —
отвращенье. Совесть нам поблажки
чаще раздаёт. Терзает реже.

* * *

На Московском вокзале женщина на билет
клянчит, дескать, «в столицу еду, добавь чуть-чуть...»,
врёт, конечно, я тоже совру ей, что денег нет,
через пару недель снова встретимся, та же муть
повторится дословно. Чрезмерно увлечена
монологом давно заученным, на лице
та же постная мина. И страшно, что жизнь одна,
что припомнится что-нибудь этакое в конце,
а ещё страшнее, что, видимо, я бы мог
изменить ход вещей, раз учитель в который раз
вызывает к доске. Но напрасно учил урок
ученик нерадивый, и с двойкой покинет класс.

* * *

Рискнуть и проиграть, не оказаться в белом,
не разбивать бокал «на счастье», никаких
речей не говорить, исчезнуть между делом
без хлопанья дверьми, в отсутствие шумих.
Смотреть издалека, из пропасти, из щели,
из ямы выгребной — и видеть: лавр увил
достойное чело...

.....

...А правда ли, Сальери,
что Бомарше кого-то отравил?

* * *

Жизнь оборвётся, как если бы никогда
не начиналась, и вряд ли душа грустить
станет о снеге, тревожащем провода,
птицах и травах — ей некуда их вместить.

Всё это, знаешь ли, телу принадлежит,
как и касание нежное губ твоих,
отнятых тут же... боюсь, что не убежит
тления слово, наверно, исчезнет стих,

ибо немислимо, непредставимо там,
где — мне сказали, бессмертна — душа парит,
воспоминание об отведённом нам
узком отрезке, которое тяготит.

* * *

Полируй свои линзы, Барух, молчи,
пусть себе обсуждают седой Талмуд,
«Бог — не больше, чем солнечные лучи
и не меньше», но вряд ли тебя поймут.
Что вы ищете в небе? Смотрите: весь
в травах, солнечных зайчиках, пестроте
одеяний безвкусовых — Он точно здесь,
а глаза закрываешь — и в темноте.
Из Голландии низкой Он виден, из
комнатушки, где пыль от стекла и книг,
не бросай шлифовать, шлифовальщик линз,
ты Ему интересен лишь в этот миг.

* * *

Как прогулки хороши
неизменно тропюю —
ни одной живой души,
ты идешь с самим собою.

Через шесть шагов сирень
преградит тебе дорогу,
только собственная тень
из друзей — и, слава Богу.

Запах солнца и дерев,
подорожника, полыни —
усмирен случайный гнев,
ни тщеславья, ни гордыни.

Лень растаяла, как сон,
то равнина, то пригорок,
и внутри тебя — закон,
а снаружи — звездный полог.

* * *

Бензин вдыхает и судьбу клянёт...
Мангельштам

В Карловых Варах гулял сластолюбец Гёте
и вдохновлялся на подвиги и стихи,
мне же, как видно, не выбраться из-под гнёта...
дальше не буду — понятно, что чепухи.
Что он забыл там, удачливый доктор Frau-ст,
вечнозелёный любимчик слепой судьбы?
Воздух целебный, чтоб хвост распушить и парус
ветром наполнить? Теперь-то его следы
неразличимы на чешских уютных тропках
(впрочем, возможно, туриста рассеян взгляд).
Еду куда-то, стою в углекислых пробках.
Гёте вдыхает целительный аромат...

* * *

Дорожи присутствием. Видишь, влага
в виде белых кристалликов оседает
на асфальт, испещрённый (точь-в-точь, бумага —
тёмной вязью) трещинами, и тает.

Дорожи присутствием. Знаешь, кроме
нас и некому восторгаться
песней выюги, а летом — в зелёной кроне —
соловьёной, и с этим и с тем расстаться

будет трудно — в свой срок прогремит кирасой
синеокий архангел из райской кущи,
где травы изумрудной над теплотрассой
нет, где, Господи Всемогущий!

для чего мы Тебе с этой грустью едкой,
с этой вечной обидой за всё на свете,
с этим грузом — заполненной вагонеткой,
нашей памятью, беспомощные, как дети?

* * *

Ничто, ничто не онемело,
не кровоточит, не болит...
Душа, покинувшая тело,
уже летит.

А ты в потёмках шарить слепо
(так бьётся о стекло оса),
как будто выпавшая скрепа
найдётся... Вряд ли небеса

тебе помогут. Невесома,
как пух лебяжий, как дымок,
лети (не там ли ждет плерома?),
протискиваясь между строк.

* * *

Пароходиком — волны блестят свинцом —
уплывать и смотреть сквозь бокал с винцом
на знакомых зданий фасад линиялый
или вдаль, где сходится небосвод
с водной гладью, где частью летейских вод
неизменно становятся все каналы.

До свидания — нет никакого «там»
или «здесь», остается ненужный хлам,
груды прожитых лет в помещеньях тесных.
Расставаться «навек» почти привык,
всё отдать, как сказано в книге книг,
чтоб потом получить от щедрот небесных.

Но куда бы ни плыл ты, в каком бы ни
оказался походе, считая дни
до заветной цели, ценой двойною
будет всё оплачено, так и знай.
Пароходик игрушечный, проплывай
меж Харибдой и Сциллой, гоним волною.

* * *

Алексю Беляеву

В кафе сидели с видом на Казанский
и обсуждали некие дела,
звучал шансон: про горький арестантский
удел певица пела (и врала).

О ходках, о ментах, о рваной ране
на сердце... как осталась без всего
в один момент, ещё — о Магадане,
хоть ничего не знает про него.

Я на софе раскинулся удобно,
ненужный продолжая разговор...
абсурдна жизнь и неправдоподобна,
как этот незатейливый фольклор.

Сидит приятель, с ним очередная
подруга, загорелая, как медь —
как славно жить, не чувствуя, не зная,
и, зная всё, обидно умереть.

Сижу себе, не подавая виду,
ведь ничего уже не изменить...
Обидно, но сдержу свою обиду
до времени. Чтобы потом забыть.

* * *

Строить фразу — всё равно, что биться
слабой рыбой о тяжёлый лёд:
разобьёшь — и мир преобразится,
станет меньше тягостных пустот,

разобьёшься — старый друг в квартире
свет погасит, ты потом ему
всё доскажешь, в самом лучшем мире,
где стихов не нужно никому.

* * *

Григорию Хубулава

Молодые родители кроху везут в санях,
матерятся и курят (насколько хватает взгляда
проследить их дорогу). Кто знает, стоял в сенях
Дух святой при рождении, видел ли это чадо?

Это чудо. И мне неизвестно, что будет с ним.
Не Голгофа ведь, правда? Широты совсем иные:
Петербург отсыревший не то, что Иерусалим.
Я смотрел на прогулку, слезились глаза больные.

Неужели сорвётся? Мне жизнь глубоко претит
этой черствостью, этим слепым безразличным оком...
Посмотрел на звезду — не погасла, ещё горит,
значит, знает о чём-то спасительном и далёком.

* * *

Н. К.

Не потому, что кинешься в костёр ты
и превратишься в пепел и золу,
а потому, что крылья распростёрты
и рвут, как шелк растянутую, мглу,

не потому, что гибельность в основе
твоей красы недолгой, неземной,
а потому, что, воплощаясь в слове,
ты каждый миг становишься иной,

не потому, что мысли и желанья
несбыточны, что нужно всё отдать...
А потому, что, зная все названья,
я не могу тебя назвать.

* * *

Не смей в прощании бесслёзном,
знакомый покидая край,
речь заводить о «небе звёздном»,
волнения не допускай,
а просто констатируй сухо:
мол, расстаёмся — впереди
не смерть, костлявая старуха,
а счастье... очи отводи,
смотри как бы поверх... сутулость
спрячь, плечи разом распрями.
Чтобы случайно не вернулась
любовь с когтями и плетьюми.

* * *

Жизнь не нуждается в приятии,
принятии и прочих «при»:
весь день сидишь на предприятии,
выходишь — светят фонари.
И все твои немые странности
их тусклым светом прощены.
И жизнь достойна благодарности
за это только. Белизны
необычайной снег скитается,
и ты тем снегом занесён.
И бед всего — что жизнь кончается,
она проходит. Вот и всё.

* * *

Дует ветер, как в стихах у Блока,
но не тот, что шевелит кусты
нежно — страшный ветер; поволока
на глазах, которые пусты.

Провожаешь взглядом молчаливо,
плачешь, улыбаешься, клянёшь!
Как тебя укрою от порыва,
если всё, что было, — это ложь?

Если луч, коснувшись покрывала,
растворился без следа, и речь
не могла согреть — не согревала
ни души, ни рук твоих, ни плеч.

Если и зарокам, и заветам
веры нет — слились добро и зло...
Это я о ветре, это ветром
обожгло, метелью замело.

* * *

Смотри, флейтист бушует
в метро — в который раз
при жизни Бах и Шуберт
оплакивают нас.
Души закрытый клапан
от мелочных забот,
спеши, спеши, оплакан,
в подземный переход.
Где, прочих пропуская,
задержишься едва.
Пока душа живая,
пока она жива.

* * *

Букет подсолнухов живее
на воспалённом полотне,
чем в поле и в оранжерее...
Художник счастлив? Не вполне.

Поскольку — недоступен глазу,
хотя как будто на виду —
букет желаний втиснут в вазу
с подсолнухами наряду.

Так вот, что так стораёт ярко,
желто-оранжевым огнём!
Мне жарко? Нет, скорее, жалко
его, и Бог забыл о нём.

Снаружи — бедности тисками,
как изнутри — страданьем сжат.
Спасли бы листья с лепестками,
уверив, что не облетят?

* * *

Грязные фасады, пыль и сажа,
вечные осадки, сквозняки —
здесь живут, влюбляются и даже
верят в счастье, кашлю вопреки.

Ну, конечно, нет его. Смотри и
не пугайся, зная, что тяжка
доля. Быстротечной эйфории
после написания стиха

нам достанет, чтоб на миг зависли
над обрывом. Что там у других
есть ещё? Не знаю. В этом смысле
мы с тобой куда счастливей их.

* * *

Застыл неподвижно состав подвижной,
смирись с этой шуткой судьбы несмешной,
смирись — потому что обиды
здесь некому высказать, жалко детей
и женщин. И поезд, сошедший с путей,
стоит, и вагоны разбиты.

Удача, что друг мой, с которым знаком
полжизни, случайно решил на другом
уехать. И мгла не накрыла
его беспросветной своей пеленой.
А всё же слабее печали земной
судьбы беспощадная сила.

В глухих ли рыданиях, молитве, мольбе,
и в мыслях моих о тебе, о Тебе,
я всё же сильнее любого
из тех, не роняющих траурных слез,
из тех, что ведут поезда под откос.
Сильнее. Даю Тебе слово.

* * *

Это любовь моя — чёрная бабочка,
мёртвая, ей бы ещё трепетать!
Что же теперь? Не булавка, так баночка!
Как сохранить, совладать

с вечностью? Крыльев движенье обманное
чёрных, сквозняк без конца
тельце колышет её бездыханное,
тронешь — на пальцах пыльца.

Нет, не взлетишь, как тогда, омертвевшая,
нет, не расправишь крыла
так же, как раньше, не чёрная — белая,
помню, ты белой была...

* * *

Даже если нет никакой свободы,
никакого счастья любви взаимной,
всё равно, кольшутся тихо воды
только что оттаявшего залива,
всё равно, невозможно остановиться,
запуская камешки, соревнуясь
непонятно с кем, всё равно, слезится
глаз от ветра, как если бы ты вернулась...

* * *

Заплутать меж построек ветхих,
слиться с пестрой его толпой...
Лондон, башенок островерхих
предводитель — я тоже в строй

встану и преклоню колено
не из страха — почту за честь.
Сохраняется неизменно
то, что было — всем тем, что есть.

Настоящее дивиденды
платит прошлому — колесо
смажет или смахнёт с легенды
пыль в музее мадам Тюссо.

Парк под вечер закроем, чтобы
не случилось чего... Вот так,
никакой тебе лютой злобы,
поножовщины, пьяных драк.

Только плющ — по домам, оградом,
только беличья толкотня
в кронах лип, только счастье рядом...
И оно тяготит меня.

* * *

Облака, как молоко,
клумбы вдоль аллеи...
с одиночеством легко,
счастье тяжелее.

Здесь подстрижен каждый куст,
каждая ограда
свежевыкрашена... Пусть,
ничего не надо,

не терзай моей души,
бедной, виноватой,
перед ней не мельтеши
веткою косматой,

ароматною смолой,
пыльной тропкой, аркой.
Сердце пусто — с глаз долой...
Этой жизни жалкой

мне не жалко, если нить
лопнет, звуком резким,
оглушая. Разделить
счастье не с кем... Не с кем.

* * *

Приятно сознавать, что жизнь ещё проходит
в замызганных дворах, на улицах пустых,
что всё ещё во мне хоть что-то происходит,
чтоб после невзначай переродиться в стих.

Приятно сознавать, что ты своей дорогой
уходишь от меня, а я тебе вослед
смотрю. И хорошо, что говоришь «не трогай»,
и скажешь, может быть, что будущего нет.

Его и вправду нет, как в детстве, за ограду
перелетишь, а там — всего лишь детский сад,
и ты с самим собой слоняешься по саду,
не ведая ещё, что лучшей из наград

с рожденья наделён — своей тоской немой,
любовной чепухой, фанерным козырьком
на домике цветном. И с жизнью, с ней самою
на смертном языке ты говоришь тайком.

* * *

Часы песочные без стрелок
обходятся, и циферблат
не нужен им; песочек мелок,
течёт, притягивая взгляд.

К чему такой прибор неточный,
ведь не узнать, который час?
А, может, Человек Песочный
из года в год морочит нас.

Из сказки образ inferнальный,
песок в глаза пускает, дым,
где мир подделок, где реальный
теперь уже не различим.

Спросить о времени рискуем
у колбы спаянной — что в нём,
когда, слепые, существуем
в таком же коконе пустом?

* * *

С надеждой на то, что потеря из памяти выветрится,
всё едешь куда-то, в какой-то немыслимый край,
мелькают за окнами Пушкин, и Павловск, и Вырица,
и ветви деревьев растерянно машут — «прощай».

Помашешь в ответ им, как старым друзьям; озадаченно
посмотришь на небо, на облачный пар грозовой,
исчезнет вдаль, станет точкой оранжевой Гатчина...
Мир не был твоим, а теперь, без сомнения, твой:

увозишь с собой поневоле кирпичное крошево
домов постаревших, цветов придорожных пыльцу,
прошедшую жизнь и всё то, что в ней было хорошего...
Товар пригодился, и жалко вернуть продавцу.

РЫБА

Первоначальная тишь, синева, прохлада...
Видом своим говоришь обо всём и всем,
рыба, останься со мной, ничего не надо
больше от мира сего. Никаких лексем
и никаких на холстах разноцветных струсьев,
как говорил Манделштам, никаких иных
звуков, помимо всплесков, давай уступим
место природному, вместо полубольных
этих фантазий двуногих, которым что-то
вечно придумывать хочется, вечно ум,
словно горчичник, прикладывать...
Позолота
мелких чешуек, прохлада...
Silentium!

* * *

Все мои пристрастия, привычки,
всё, к чему однажды прикипел,
не прочнее глиняной таблички
с письменами, крошится, как мел.

Посмотри — отборные когорты
чувств и мыслей (слышишь, без вины!),
словно влажной тряпochкою стёрты,
острым ноготком соскоблены.

Некто, расцепляющий объяття
жаркие безжалостно, скажи,
что в конце смогу тебе отдать я,
кроме разорившейся души?

Как сосуд, поставленный на полку,
мелочью бессмысленной звеня,
разобьюсь. И много ль в этом толку
для того, кто обжигал меня?

* * *

Счастье — это сумрак заоконный,
кроны клёнов, видимые в нём,
прошлой жизни номер телефонный,
спрятанный в кармане потайном.

Счастье — это выцветшая дата,
нечто вроде отпуска в Крыму...
Это то — к чему тебе возврата
нет, и мне... Ты слышишь, никому!

Это сад — потерянный из вида,
где название каждого куста
помнишь... Просто миф, эфемериды,
наглухо закрытые врата.

* * *

Дождит, как из ведра,
апофеоз погоды
дурной — давно пора,
давно пора на воды.

К примеру, в Карлсбад —
дышать лечебным паром.
Никто не виноват,
что жизнь проходит даром.

Проходит кое-как,
без всякого расчёта...
Ты знаешь — Он Всеблаг,
чего тебе ещё-то?

И что тебя томит,
грудь болью распирая?
Какой-нибудь бронхит,
о-эр-вэ-и какая?

Так знай, что ничего
ты изменить не в силе —
Он не дает того,
о чём Его просили.

А в том, мой милый друг,
и состоит награда,
чтоб радоваться вдруг,
тому, чего не надо.

Никто за нас с тобой
не выпросит отлучку
и в тёплый рай земной
не отведет за ручку.

* * *

Не отчаивайся, не надо,
в крайнем случае, погрусти,
но недолго: у листопада
красно-жёлтый букет в горсти

для тебя — посмотри, как ярко,
будто кто-то костёр зажжёт...
Так, спеши, принимай подарок:
только это, и всё, дружок.

Не нашёл никаких отгадок
и подсказок — безмерно прав
тот, кто знает, насколько сладок
сам вопрос, и, его задав,

исчезает за поворотом
в старом свитере и плаще,
не имеет значенья, что там...
Может быть, ничего вообще.

* * *

Ветер листья из сада
изгоняет за край,
ничего мне не надо,
что имеешь — отдай.

Понапрасну терзаться
разучился уже:
от всего отказаться
на земле и в душе,

ничего не оставить
на потом, про запас...
Потому что и память
забирают у нас,

намекая невнятно,
мол, взгляни за порог:
там вернули обратно
облетевший листок,

там сбылись все желанья
невозможные — там
не пойдет умиранье
по легчайшим следам,

нелюбимые любви
станут... снегом утру
онемевшие губы
на осеннем ветру.

* * *

Эта печаль,
эти разговоры, возня
эта мышиная,
эти недомолвки, и вот —
кроме стихов,
ничего и нет у меня,
кроме стихов...
Вьюга, снегопад, гололёд

там, за окном,
и, когда помотришь туда,
кажется, что
без тебя возможны вполне —
звёздная пыль,
контуры двора, провода...
Кроме стихов...
разве что-то большее мне

кто-то сулил?
Вечер разрастался и гас
день, унося
прошлое туда, где ему
место найдут...
Нежность обойдется без нас,
да и любовь,
ни к чему о ней, ни к чему.

* * *

Это музыка звучала,
эта музыка звала —
ничего не обещала,
лёгкой лодочкой плыла
вдоль канала, вдоль канала,
повторяясь сотни раз —
от беды оберегала,
легкомысленная, нас,

будто за руку водила...
Вдруг — исчезла без следа,
чище этого мотива
я не слышал никогда.
И, хватаясь за перила,
на последнем этаже
вспоминаю, как любила
ты, но музыка уже

не звучит. И жизнь невнятна
с мишурой своей цветной,
как бензиновые пятна
в теплой луже дождевой.

* * *

Фотоснимок выцветает —
море, пальмы, облака,
тесно голову сжимает
накатившая тоска.

Чем измученную нежим
душу? Памятью одной —
черноморским побережьем,
загорелую спиной.

И душа слепая рада:
солнце, воздух и вода,
ей скажи, что всё неправда —
не поверит никогда.

Встанешь в глупую, поохав,
позу — тело развернёшь
загорелое. Фотограф,
ну, снимай... Чего ты ждёшь?

* * *

Долго прощались, никак не могли проститься —
чтоб разглядел я прекрасные эти лица
в серой толпе, задержался на них в пути.
Кто-то хотел в этот вечер меня спасти.

Кто-то поставил влюбленную эту пару
прочной преградой отчаянью и кошмару
передо мною — трепещущий ориентир,
чтобы я снова вступился за этот мир.

Чтобы я снова на воздух морозный вышел.
Кто-то хотел, чтобы я непременно выжил.
Чтобы я вместо рыданий глухих и слёз
их поцелуй прощальный до вас донёс.

Значит кому-то, мой друг, и до нас есть дело,
так не гляди печально, осиротело:
будто всё знаешь, уже ко всему привык...
Сердце наполнено счастьем, пускай на миг.

* * *

То ли шутка смешная,
что оценят не все,
то ли просто сплошная
полоса на шоссе,
то ли добрые вести
от забытых друзей,
то ли всё это вместе
мне и нравится в ней.
Все её переборы,
перехлёсты и проч.,
и повторы, повторы
день и ночь, день и ночь.
И сигнал светофора,
и озерная гладь...
Всё, что кончится скоро,
всё, что важно начать.

2004–2008

Содержание

«Войдёшь в провал двора — там улица пустая...»	5
«Алкоголики возле парадной...»	6
«Девушка, наряженная зайцем...»	7
«На Московском вокзале женщина на билет...»	8
«Рискнуть и проиграть, не оказаться в белом...»	9
«Жизнь оборвётся, как если бы никогда...»	10
«Полируй свои линзы, Барух, молчи...»	11
«Как прогулки хороши...»	12
«В Карловых Варах гулял сластолюбец Гёте...»	13
«Дорожи присутствием. Видишь, влага...»	14
«Ничто, ничто не онемело...»	15
«Пароходиком — волны блестят свинцом...»	16
«В кафе сидели с видом на Казанский...»	17
«Строить фразу — всё равно, что биться...»	18
«Молодые родители кроху везут в санях...»	19
«Не потому, что кинешься в костёр ты...»	20
«Не смей в прощании бесслёзном...»	21
«Жизнь не нуждается в приятии...»	22
«Дует ветер, как в стихах у Блока...»	23
«Смотри, флейтист бушует...»	24
«Букет подсолнухов живее...»	25
«Грязные фасады, пыль и сажа...»	26
«Застыл неподвижно состав подвижной...»	27
«Это любовь моя — чёрная бабочка...»	28
«Даже если нет никакой свободы...»	29
«Заплутать меж построек ветхих...»	30
«Облака, как молоко...»	31
«Приятно сознавать, что жизнь ещё проходит...»	32
«Часы песочные без стрелок...»	33
«С надеждой на то, что потеря из памяти выветрится...»	34
Рыба	35

«Все мои пристрастия, привычки...»	36
«Счастье — это сумрак законный...»	37
«Дождит, как из ведра...»	38
«Не отчаивайся, не надо...»	39
«Ветер листья из сада...»	40
«Эта печаль...»	41
«Это музыка звучала...»	42
«Фотоснимок выцветает...»	43
«Долго прощались, никак не могли проститься...»	44
«То ли шутка смешная...»	45

В. ЯМПОЛЬСКИЙ

В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

Корректор *С. Н. Павлюченкова*

Оригинал-макет изготовлен ООО «ИПК «КОСТА»

Подписано в печать 16.04.08. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура Baltica

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 1,5 п. л. Тираж 400 экз.

Зак. №

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

978-5-91258-056-7



9 785912 580567